

*Л. В. Маштакова
L. Mashtakova
г. Екатеринбург, УрФУ им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Ekaterinburg, UrFU*

**«LA SELVA OSCURA» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: К ВОПРОСУ
О СЕМАНТИКЕ ФОРМЫ
VIACHESLAV IVANOV'S «LA SELVA OSCURA»: THE PROBLEM
OF THE SEMANTIC OF THE FORM**

Аннотация: В работе представлен опыт литературоведческого анализа «LA SELVA OSCURA» Вяч. Иванова с привлечением анализа стиховедческого на основе методики М. Гаспарова; а также выявлены особенности пространственно-временной организации в стихотворении, обозначена роль конкретных образов и символов в их развитии, определяется место стихотворения в поэтическом сборнике «Кормчие звезды» и в философско-религиозной и символической концепциях Вяч. Иванова в целом.

Ключевые слова: «LA SELVA OSCURA»; кормчие звезды; символ звезды.

Abstract: In this paper presents the experience of literary analysis Ivanov's «LA SELVA OSCURA» including Gasparov's methods. Also there are: denotes spatial and temporal organization in a poem; it defines the role of images and symbols in their development; it defines the place of the poem in the poetry collection «Kormchie Zvezdy» and in Ivanov's philosophical and symbolic concepts.

Keywords: «LA SELVA OSCURA»; «Kormchie Zvezdy»; the symbol of the star.

Все горы, за горой гряда;
Все черный старый лес.
Светлеет ночь, горит звезда
В дали святой небес.

О, дольний мрак! О, дольний лес!
И ты – в дали – одна...
Потир земли, потир небес
Испили мы до дна.

О, крест земли! О, крест небес!
И каждый миг – «прости»!
И вздохи гор, и долго – лес,
И долго – крест нести! [4, с. 71]

М. Гаспаров писал о том, что анализ необходимо начинать со взгляда на текст и только на текст, расширяя поле зрения лишь по необходимости. Однако здесь возникают определенные трудности, если речь идет о поэзии Вячеслава Иванова. А. Барзах говорит о том, что исследователь ее при анализе конкретных стихотворений неизменно сталкивается с «объяснительностью», обусловленной определенной «ученостью» поэта [1, с. 17]. Так, в данном анализе совмещены два указанных аспекта: выявлены и проанализированы три уровня поэтического текста, указанные в работе М. Гаспарова «„Снова тучи надо мною...“ Методика анализа»; вместе с тем сделана попытка «расшифровать» имплицитные смыслы некоторых символов, открывающих немаловажную философско-религиозную, мировоззренческую составляющую поэзии Иванова.

Прежде чем перейти к интерпретации, отметим внешние параметры анализируемого текста. Стихотворение написано четырехстопным ямбом, тип рифмовки – мужской, способ – перекрестный. Благодаря последнему возникают пары рифм – оппозиции, на которых, благодаря ударению, возникает интонационный акцент:

звезда	небес	одна (звезда)	прости
гряда	лес	дна	нести

Помимо противопоставления пространства земного и пространства небесного, безусловно, явленного здесь, становится очевидным соотношение слов «прости» и «нести» (крест), то есть прощение небесное связывается с несением крестной ноши на земле. Это первый и традиционно христианский аспект стихотворения.

На уровне звукописи наблюдаем ассонанс (открытые слоги с гласными *a, o, э*) и аллитерацию (*z, p, з, д*, сонорные звуки), что создает на фоносемантическом уровне ощущение «светлеющей ночи», холодного утра, ясности (что видится возможным связать и с духовным просветлением). Также благодаря данным звукосочетаниям создается внутренняя динамика текста при внешней статичности картины: это процесс осознания пути, «вступления» на путь.

На стилистическом уровне обращают на себя внимание эпитеты, связанные с лесом и небом. По признаку отнесенности их можно разделить на две части:

лес	небо
черный, дольный (т. е. протяженный)	святая (даль), дольный (т. е. протяженный)

Помимо противопоставления возникает эффект зеркальности, отражения одного в другом: и лес, и небо бесконечны, бесконечна жизнь с крестной ношей, бесконечно то, что за ней следует. Тогда, и лес, и небо – одно, нет ни конца, ни начала ни тому, ни другому.

Метафоры потир и крест также относятся и к земле, и к небесам. Потир – священный сосуд в виде чаши, в котором во время евхаристического канона освящается и преосуществляется вино с водой в кровь Христову. Потир изображает собой чашу Тайной Вечери, которую Христос подал апостолам («Сия

чаша есть новый завет в Крови Моей»). Так символически свершается причастие героя к кресту, который он возлагает на себя, вставая на путь, освещаемый звездой. «Возложением» креста знаменуется и уподобление героя Христу, отсюда и слова «прости». Так герой, стремящийся к богопознанию, должен нести крестные муки, так земля несет крест за муки страдающего бога. Для понимания богочеловечества в ивановском смысле этого слова стоит обратиться к его философскому труду «Ницше и Дионис»: «Ницше сознавал, что для просветления лика земного <...> внутри нас должна совершиться какая-то глубокая перемена – перерождение, подобное состоянию, означаемому в евангельском подлиннике словом „метанойя“, оно же – условие прозрения „царства небес“ на земле» [3, с. 30]. То есть это не то богочеловечество, которое воспевал, например, К. Бальмонт: «Будем как солнце, забудем о том, Что нас ведет по пути золотому». У Иванова это и стремление к уподоблению Христу как высшему воплощению человека, и «крест земли», и искания бога в мире, на земле.

С точки зрения синтаксиса, в тексте изобилуют короткие восклицательные назывные предложения. При помощи парцелляции автор останавливает внимание на ключевых концептах, выделяет их:

- Небо
- Лес
- Звезда, указующая путь

Восклицания придают тексту эмоциональность, но это не столько выражение чувств, сколько возвышенное обращение к долу, к небесному и земному, к истоку Бытия, к мирозданию, это замирание сердца перед величием открывшейся герою тайны.

На идейно-образном уровне в центре, во второй строфе стихотворения, автор выделяет *звезду* как один из основных образов-символов. Иванов особо выделяет «вдали – одна», что наводит на мысль отсутствия принадлежности звезды к указанным пространствам земли и неба. Это особенная звезда, символ истинного духовного пути героя. «Яркая и светлая утренняя звезда» упоминается в Новом Завете, в Ветхом Завете это звезда Иакова, символ Мессии. Такое соотнесение с библейским контекстом становится особенно важным в ключе «Религии страдающего бога» и «Ты еси» Иванова: это богопознание и утверждение бога в себе, жертвенность и говорение «Ты» дионисовой части своей души.

Лес, горы, небеса, относительно философской концепции Иванова, также становятся образами-символами. Первые строки стихотворения очерчивают метафизическое пространство вокруг героя, задают определенную атмосферу. Лес на ассоциативном уровне традиционно связывается с препятствиями (в том числе и жизненными). В сопоставлении с пространством леса обращает на себя внимание значение символа гор. Горы – это устремление вверх, то есть *восхождение* (в контексте философии восхождения-нисхождения по Иванову): «Восходящая, взвивающаяся линия, подъем порыва и преодоления, дорога нам как символ нашего лучшего самоутверждения, нашего „решения крепкого – к бытию высочайшему стремиться неустанно“» [3, с. 182]. Пространство стихотворения строится не столько на противопоставлении, сколько на обозначении

тверди земной и тверди небесной, восклицания и тире во второй строфе акцентируют на этом внимание читателя, создается впечатление топоса, выстроенного по вертикальной и горизонтальной осям, то есть по кресту. Символика креста возникает в третьей строфе – «крест земли» и «крест небес», анализируемые выше. Это и четыре стихии, основа мироздания, и крест христианский.

Теоретик символизма и дидактик, Иванов вкладывает в несколько строк положения целой философской системы. Ключевые образы, символы, мотивы задают тексту определенное настроение: это чувства человека, вставшего на путь духовного становления, чувства человека, осознающего трудность и жертвенность этого пути, сознательно возлагающего на себя крест. Это чувства человека также оставшегося один на один с Бытием, ставшим сопричастным мирозданию. Это порыв, это внутренне движение мысли. Два символа пронизывают текст стихотворения: крест и звезда. Первый есть соотнесение макро- и микрокосма человека, а также отражение неба и земли друг в друге: крест героя, крест земли, крест неба. Второй – ориентир, вера, цель. Этим символом именуется весь сборник Иванова, открывающийся анализируемым стихотворением – «Кормчие звезды», что подтверждает значимость символа звезды. Так, за внешней пейзажностью и статичностью возникает, угадывается художественный мир Иванова: религиозный синкретический миф, объединяющий язычество (природный компонент) и христианство, не выделяющий фигуру человека за рамки всеприродного и, безусловно, подразумевающий духовные поиски, духовное пробуждение героя.

Библиографический список

1. Барзах, А. Е. Материя смысла / А. Е. Барзах // Иванов В. И. Стихотворения. Поэма. Трагедия. – СПб. : Академический проспект, 1995.
2. Гаспаров, М. Л. «СНОВА ТУЧИ НАДО МНОЮ...» Методика анализа / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. – М., 1997. – Т. II. О стихах. – С. 9–20.
3. Иванов, В. Родное и вселенское / В. Иванов. – М. : Республика, 1994.
4. Иванов, В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия / В. И. Иванов. – СПб. : Академический проспект, 1995.